

ДОКЛАДЫ
ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКОГО
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ВЫПУСК 6

Переславская ямская дорога
Александрова гора
«Воровские» письма

Москва 2004

ББК 63.3(2Рос-4Яр)4
Д 63

Издание подготовлено ПКИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Д 63 Доклады Переславль-Залесского Научно-Просветительного Общества. — М.: MelanarЁ, 2004. — Т. 6. — 30 с.

Хотите послужить Родине? Напишите аннотацию для этой книги, и мы все скажем вам спасибо.

ББК 63.3(2Рос-4Яр)4

© Михаил Иванович Смирнов, 1919.
© MelanarЁ, 2004.

Переславская ямская дорога

(К истории путей сообщения Московской Руси)

Захолустный теперь Переславль-Залесский знал лучшие дни. «Во время оно» лежал он на большом пути и был оживлённым городом. В злую пору татарской неволи через него шла дорога в Орду. Соперничавшие с Москвою князья Тверские, чтобы ускорить путешествие к ханам, ездили обычно через Переславль-Залесский, а с него на Кострому и далее Волгою вниз на судах. Князья Московские водили на Тверь татарские рати тою же дорогою, но с обратного конца: Волгою до Костромы, а отсюда через Переславль-Залесский.

с. 1

При Василии Тёмном из Владимира ездили на Москву кружным путём через Переславль-Залесский. Так именно возвращался из плена от Казанских татар великий князь и здесь же вёз спустя год его детей епископ Иона к вероломному Шемяке.

Со времён царя Ивана Грозного, вместо этих потерявших своё значение путей, получил полное развитие Северный путь, соединявший Москву с Белым морем. До самого основания Санкт-Петербурга, следовательно, на протяжении почти двух веков, был он главнейшею артериею, соединявшею Московское Государство с Западной Европой. Переславль-Залесский лежал на этом пути и в смутное время имел большое значение для охраны этой дороги как крепость. В мирную же пору был промежуточной станцией для транзита, принимавшего колоссальные размеры, особенно зимой. Все направлявшиеся в Москву иностранные товары из Архангельска через Вологду, Ярославль неминуемо следовали через Переславль-Залесский и оттуда в Москву. Обратным же образом через Переславль-Залесский шли от Москвы бесконечные обозы с нашим сырьём — мехами, воском, салом и тому подобным.

Занимая срединное положение по отношению к волжским городам — Костроме и Ярославлю, Переславль-Залесский обслуживал ещё и другие области кроме Беломорья. Через Кострому временами шла из Сибири царская казна и частные товары, направлявшиеся в Москву, а через Ярославль — шведские. При этом Переславль-Залесский был не просто транзитным пунктом, а имел специально шведские торговые склады. Принимая иностранные товары, в свою очередь высылал в Швецию свои.

Кроме главного Северного Московского пути Переславль-Залесский и его область, заключавшая три современных нам уезда Переславский, Александровский и Покровский, имела несколько других путей, второстепенного значения. Это: Юрьевская дорога, пролежавшая из Переславля-Залесского через д. Чашницы, с. Перцево и так далее до г. Юрьева-Польского; Углицкая, проходившая северный берегом Плещеева озера мимо с. Городища, Купани, Половецкого до г. Углича; большая Владимирская дорога, касавшаяся западной части Залесья, там значительным пунктом торговым и транзитным была слобода при Антониевой Покровской пустыни, преобразованная в XVIII ст. в город Покров; Слободская дорога; Стромьинская, соединявшая Троице-Сергиев монастырь с Александровой слободой, Киржацким и Стромьинским монастырями; Калязинская дорога от Троице-Сергиева монастыря и так далее.

Какковы были эти пути, нетрудно себе представить. Если в наше время удовлетворительных дорог мало, то сотни лет тому назад было одно сплошное бездорожье. «Не люб путь», «зол путь», «лют путь» — характеризуют его современники, а иностранцы, вроде барона Сигизмунда Герберштейна, прямо приходят в ужас от его неблагоустроенности. Лучше был путь зимою, но случался в непогоду и большие снега «человеку по пазуху». И было бы напрасно думать, что в том бездорожье виновата была одна некультурность и неумение людей того времени справиться с делом. Причины этого много глубже. Нужно перенестись в те ве-

с. 2

ка и воочию убедиться, что представляла тогда собою средняя Русь и, в частности, Залесье. Ещё в XV веке здесь были «леса непроходимые и дебри пустынные», бесконечные болота, реки и речки без числа. Чтобы создать мало-мальски сносные условия существования и сообщения, требовалась тяжёлая борьба. Ни одна из стран Западной Европы не знала ничего подобного. Бесконечные леса России потребовали от её населения особо больших усилий и жертв, чтобы обратить их под участки, годные для заселения и пашни и создать между населёнными пунктами дороги. Эта борьба с окружающей природой была так продолжительна, что наложила свою печать на историю России. Культурное развитие Руси, между прочим, от этого именно надолго задержалось на невысокой его ступени. «Таёжная» жизнь унесла целый ряд поколений, прежде чем побеждена была природа и созданы более или менее сносные условия жизни, при которых возможно было культурное преуспевание. Единичным рядовым личностям в то время не были под силу сколько-нибудь заметные успехи в беспощадной борьбе с окружающей обстановкой. Для этого требовались массы народные. Создавать «дороги прямоезжие» могли только одни богатыри, что неизменно ставилось им в особую заслугу.

При таких условиях было уже большим приобретением и завоеванием вместо рек, служивших первоначально единственными путями-дорогами, и вместо звериных таёжных троп — хоть какие-нибудь колёсные дороги. Тогда ценна была самая возможность сообщения; неудобство же пути, первобытное его устройство относились к вопросам второстепенным. Главное было то, что тот или иной путь был проложен. Если он плох был летом, то зима скрашивала его недостатки и давала возможность перевозить тяжести и проезжать далёкие расстояния.

До сего времени Русь пользовалась, да пользуется и теперь такими дорогами, но очень рано из массы этих путей были выделены пути сообщения, имевшие государственное значение, и к ним применялись особые заботы и стремление придать им возможное благоустройство. Это так называемые «ямские дороги», перечисленные в судебниках 1497 г. великого князя Ивана III и 1550 г. царя Ивана IV.¹ Центром этих дорог, измеренных и положенных в версты, была Москва, а конечными пунктами окраины государства Московского: на западе Новгород, на востоке — Сибирь, на севере — Архангельск и Холмогоры и так далее. К этим дорогам предъявлялось одно и то же требование: по государеву указу каждая из них должна быть определённой ширины, очищена от пенья, мосты по рекам, болотам и по грязям должны быть крепки, на клетках от вешней воды и мокроты, исправляемы каждую весну.²

В Переславль-Залесской области такою была Северная дорога, соединявшая Москву с Белым морем. В пределах Залесья этот путь имел два варианта: один — от Троицы прямо на Переславль-Залесский и второй — от Троицы же на Александрову слободу, а отсюда уже на Переславль. Первое направление пролегало от Троицы через деревню Тириброво и село Глебовское, то есть приблизительно так, как идёт Ярославская шоссе́йная дорога. Второе направление — от Троицы шло на Стогово, Ям-Пердбаску (Пердобушка, Пердобашка), Александрову слободу, то есть несколько напоминает направление Северной железной дороги, но с тем различием, что после Александрова (бывшей Александровой слободы) последняя обходит Переславль-Залесский, а старая ямская дорога пролегалла на село Рюминское и село Самарово, имея конечной целью именно Переславль-Залесский. Этот вариант носил название «Слободской дороги», а первый «Переславской», причём последнее название присваивалось не только ямскому пути, находившемуся в пределах Залесья, а вообще всему

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею / Археографическая комиссия. — СПб., 1841. — Т. 1. — С. 152, 230.

² Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1894. — Т. 5. — С. 63.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1836. — Т. 1: 1294—1598 гг. — № 156.

участку его от Москвы до Переславля-Залесского.¹ Ямская слобода в Москве, обслуживавшая этот путь, носила название также Переславской.²

Содержание дорог в благоустроенном виде, вернее оказать, в проездном виде составляло повинность населения, периодически привлекавшегося к её починкам и исправлениям. Ближайшее наблюдение на месте за нею имел областной воевода, а верховное распоряжение принадлежало Ямскому приказу, но не исключительно. Давал распоряжения, относящиеся сюда, Разряд и другие приказы. То по непосредственному распоряжению воевод, то по приказу из Москвы население рыло по дороге канавы, делали гати, мосты.³ Особенно усиливалась эта деятельность весной и осенью, а также при проездах государей.

Так по случаю богомольного похода царя Фёдора Алексеевича велено было в 1677 г. Переславскому воеводе Василию Алексеевичу Кроткому «от Переславля-Залесского по Слободской и по Углицкой дороге до Александровой Слободы и до Углицкого уезду на больших реках и на речках и на верхах сделать мосты и гати крепкие».⁴ с. 3

Но так как, несмотря на все принимаемые меры, дорога в мало-мальски ненастное время становилась плохой, то в самых дурных и непроездных местах обычно объезжалось стороной. Так вместо того, чтобы ездить прямо от Троицы на Александрову Слободу, «всякие ездки (XVI ст.) свёртывали с большой дороги с Слободской на монастырёк на Николу на Дерюзине и на слободку на Челевкину, ставились в том селе и деревнях и кормы имали силно».⁵ Подобное же было и в других местах.

Запрещая такие объезды, или вернее сказать, остановки при таких объездах в неуказанных местах с насильственной кормёжкой, правительство берегло целость и неприкосновенность установленной дороги и в случаях её порчи и захвата принимало решительные меры.

В качестве иллюстрации этого может служить дело помещика села Глебовского Ивана Леонтьевича (или Львовича) Дивова. Глебовское — царское подклетное село в XVI в.,⁶ в следующем столетии в 1627—28 г. было за разными помещиками и вотчинниками. В 1665 г. здесь владели вотчинами стольник Глеб Юрьев и князь Андрей Лыков и помещьем сын боярский Иван Дивов, которому принадлежала также находившаяся вблизи села деревня Елизарка. Вдоль села пролегал «большая дорога от Вологды к Москве», по которой «едут всегда ратные люди, а временем послы и посланники ходят, и с государевой казною всегда ездят». Поперёк села протекала речка Выжегда; справа, как ехать в Москве, начиналась поместная земля Ивана Дивова, на ней церковь Николая Чудотворца и крестьянские двory. Слева большой дороги по обе стороны за Выжегдой вотчинная земля Глеба Юрьева да князя Андрея Лыкова, на ней церковь великомученика Дмитрия Солунского и крестьянские усадьбы этих вотчинников.

Не довольствуясь границами своих владений, Иван Дивов поставил на самой большой дороге крестьянские избы с воротами, перед избами занял место дровами и лесом, за избами на самом выезде из села разрешил построить две кузницы с конскими станками и надолбами. Перед избами на самой дороге навалены были брёвна, дрова и вырыты ямы. Перед селом Иван Дивов ту же дорогу перепахал, окопал рвами, а частью загородил плетнём.

¹Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 95-8819.

Московский Архив Министерства Юстиции. Писцовая книга князя Волконского № 7645. — Л. 85.

Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографической комиссией / Археографическая комиссия. — СПб., 1838. — С. 165.

Полное собрание русских летописей. — СПб.: Типография Пратца, 1853. — Т. 6: Софийские летописи. — С. 314. Дворцовые разряды. — СПб., 1850. — Т. 1. — С. 662.

Барсуков, А. Род Шереметевых / А. Барсуков. — СПб., 1883. — Т. 3. — Л. 40.

²Готье, Ю. В. Замосковский край в XVII веке / Ю. В. Готье. — М., 1906. — С. 424.

³Исключение делалось для монастырских крестьян.

Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 757-9475.

⁴Московский Архив Министерства Юстиции. Московский стол. — Столбец 525, IV. — Л. 178.

⁵Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевской Лавры. — М., 1865. — С. 170.

Церковно-исторический месяцеслов Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. — 2 изд. — М., 1854. — С. 112—113.

⁶Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служивых фамилий после отмены местничества. (1257—1613 гг.) / Собрал и издал А. Юшков. — М., 1898. — С. 152 и 153.

Это обстоятельство вызвало жалобу со стороны соседа — вотчинника Глеба Юрьева. Он подал в Москву челобитную, в которой изложил суть дела и доказывал, что от этого «дорога стеснена гораздо и в грязную пору проезд от того утеснения худ бывает».

Последовал сыск, произведённый по поручению Переславского воеводы рассыльщиком Алексеем Ильинским. Опрошено было местное духовенство и понятия из крестьян. Составлен был чертёж, сохранившийся до нашего времени и служащий ценным памятником для истории села Глебовского. Всё дело с чертежом вместе было отправлено в Москву, откуда было дано распоряжение избы и кузницы снести на срок 19 октября 1665 г. и дорогу восстановить в прежнем виде. Иван Дивов, по-видимому, человек опытный в разного рода тяжбах, опротестовал решение и старался опорочить сыск, но произведённое лично воеводой дознание снова подтвердило справедливость следствия рассыльщика Ильинского.¹

Этот случай наглядно обрисовывает нам отношение властей к неприкосновенности дороги и, хотя нам неизвестны межевые акты о её отводе, с несомненностью показывает, что направление и её границы возникли не случайно, а были установлены; была, следовательно, произведена в отдалённые годы большая работа по определённому плану.

Если полотно дороги было государственною собственностью и пользование её носило беспрепятственный характер, то за проезд по мостам и переправам приходилось платить деньги. Те и другие находились в руках казны или частных лиц, последние владели ими или как своею собственностью и взимали со всех проезжающих плату в свою пользу, или же получали право держать их на откуп, уплачивая за это и казну ежегодную условленную сумму. Но бывало и так, что мостами заведовали «верные головы» и тогда доход за проезд мостов поступал непосредственно в казну.

На 1683—1686 гг. в Переславле-Залесском мост через р. Трубеж, соединявший крепости с торговой частью, находился на откупу у сокольего помытчика Стефана Антропова вместе с «пролубями и банями» по 145 р. 2 алтына 5 денег на год.

с. 4 В то же время Никитский игумен Феодосий, человек большого хозяйственного задора, построил выше этого моста на посадской Переславской земле свой мост для проезда, как он объяснял, на мельницу и в село Красное, свою вотчину. Но обиженный откупщик к этому добавлял, что проезжавшие по большой Переславской дороге стали сворачивать на тот мост, где взималась с них меньшая плата, и что таким образом создалась конкуренция, грозившая откупщику недобором. Произведено было расследование этого обстоятельства и монастырский мост был сломан.

Игумен Феодосий пробовал было возбудить дело вновь; доказывал, что мост его сторонний, но видя безнадежность своей уловки, повёл дело иначе. Он предложил начальству сдать вместо Антропова мост на откуп Никитскому монастырю «на неугасимую свечу и на пропитание братии». Мотивом этого выставил не прежний монастырский мост, а отказ от старинного права ловить на монастырь рыбу в Переславском озере. Дело в том, что Никитскому монастырю принадлежало право, которого не имел ни один из Переславских монастырей, ловить себе раз в неделю неводом рыбу, «какую Бог даёт», для своих надобностей. Но так как вследствие ссор с рыбаками фактически этим пользоваться не приходилось, то практичный настоятель Никитского монастыря счёл для себя более выгодным откупное дело. В своём домогательстве он успел и Антропову досрочно было отказано. С 1685 г. мостовой откуп в Переславле-Залесском вместе с банным и прорубным был отдан монастырю бессрочно из тех же денег, что и раньше, а именно за 145 р. 2 алтына 5 денег в год, с поручительством состоятельных людей в исправности этого платежа.²

Доход с Переславского моста, нужно сказать, был не единственный у Никитского монастыря. В этом роде в его же руках вместе с Симоновым монастырём был ещё источник денежных поступлений — это перевоз на Малой или Окской Нерли, верстах в 12 [12,8 км] от Переславля-Залесского по направлению к Ростову. Московскому Симонову монастырю принадлежало на берегу реки Нерли село Бутаково, а Переславскому Никитскому — село Конюцкое. В том и другом посёлке, расположенных до соседству, проходила Московская Северная дорога и существовали перевозки, с давних пор составлявшие собственность этих

¹Московский Архив Министерства Юстиции. Приказный стол. — Столбец № 54.

²Архив Переславского Никитского монастыря, список с грамоты 1684 г.

монастырей. Бутаково было пожертвовано в 1558 г. боярыней Аграфеной Морозовой, а Коноцкое в 1564 г. царём Иваном IV вместе с перевозами. После смутного времени мосты были возобновлены не скоро, причём Никитский игумен выстроил мост на новом месте и проложил к нему дорогу через вотчинную землю Симонова монастыря. Возникло вследствие этого дело о закрытии новой дороги. В конце концов власти того и другого монастыря столкнулись (1632 г.) и решили сообща держать один мост, чтобы не делать убыточной себе конкуренции. Никитский мост сломали, а оставили для проезжающих один Симонов, причём две трети дохода шло Симонову монастырю, а одна треть Никитскому. У моста была поставлена «келья, да клеть, да сенцы, где их старцам и слугам жить для ради мостовья и перевозных службы». Полученный за провоз деньги складывались в запечатанный ящик и делились по третям.¹

От уплаты за проезд по мостам освобождались царские гонцы, ратные люди, послы и посланники иноземных государей и другие привилегированные лица. В общем же они составляли меньшинство и на долю держателей мостов и перевозов приходилось больше платных подвод и обозов, чем освобождённых от этого.

Разумеется, для проезжавших значительные расстояния подобного рода поборы были чувствительны. Но старорусский человек, служивший объектом фиска во всех почти своих потребностях, был приучен суровой финансовою политикой Московского Государства платить без конца. Но так как, несмотря на тяготы транзита и фиска, жить всё-таки было надо, то дороги, особенно зимой, были полны проезжающих.

По ямским дорогам наряду с обывательским и торговым движением шло специально правительственное — «ямская гоньба», имевшая особую организацию и свою историю.²

Начало этого учреждения восходит ко временам татарщины, а окончательное формирование к XVI в. Состояло оно в том, что дороги, имевшие правительственное значение, были разделены на определённое число участков — ямов или станций по современному. На каждом участке были особые ямские слободы и дворы, в них содержалось определённое число лошадей и ямщиков, обязанных производить гоньбу в пределах двух участков, по одному в ту и другую сторону от яма. Целая цепь ямских участков давала возможность на перекладных проезжать от одного яма до другого с большей или меньшей быстротой всю дорогу, и таким образом преодолевать необозримые пространства Московской Руси.

Эта организация, приводившая в восхищение иностранцев, была повинностью населения, обязанного выставлять на ям охотников, давать им подмогу (плату), в большом разгоне пособлять лошадьми, строить ямские дворы и платить в казну ямские деньги.

с. 5

Последние брались по развёрстке с «сохи», но не в одинаковом размере: в 1584 г. в Переславле-Залесском уезде по 14 р.; в 1583 г. с Переславских рыболовов по 23 р. 16 алтына 4 деньги; с вотчин Фёдоровского монастыря по 20 р.³ Но было немало привилегированных лиц и учреждений, которые совсем или временами не платили ямского сбора. Те же переславские рыболовы были освобождены Фёдором Ивановичем на два года (1588—90 гг.) от взимания этих денег.⁴ Но чаще всего пользовались этой льготой монастыри. Тот же Фёдоровский монастырь был освобождён от уплаты ямских денег с 1561 по 1564 год; в 1547 г. Данилову монастырю была дана грамота, подтверждавшая прежнее пожалование о невзимании ямских денег; в 1584 г. царь Фёдор Иоаннович приказал освободить монастырских крестьян от починки и постройки мостов и дорог, вместе с тем разрешил ямских дворов не делать и не крыть, на ямах с подводами не стоять, не давать лошадей в подводы и крестьян на службу под казну, наряд и прочее; но в 1623 г. царь Михаил Фё-

¹Грамота архива Никитского монастыря.

²Гурлянд, И. Я. Ямская гоньба в Московском Государстве / И. Я. Гурлянд. — Ярославль, 1900.

Гурлянд, И. Я. Новгородские Ямские книги / И. Я. Гурлянд. — Ярославль, 1900.

О ямской повинности: Лаппо-Данилевский, А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве / А. С. Лаппо-Данилевский. — СПб., 1890. — С. 365—377.

³Гурлянд, И. Я. Ямская гоньба в Московском Государстве / И. Я. Гурлянд. — Ярославль, 1900. — С. 83.

⁴Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1836. — Т. 1: 1294—1598 гг. — № 341.

□ // Владимирские Губернские Ведомости. — 1864. — № 20.

дорович этих льгот не подтвердил и Данилов монастырь стал наряду с платёжной массой «ямские деньги давать».¹

Другой Переславский монастырь, Никитский, в 1617 г., хотя также привлечён был к уплате ямского сбора, но сохранил за собою право «ямских дворов не делать, на ямех с подводами не стоять и на ям охотников не выбирать».²

В пределах Переславского уезда было немало вотчин Московских монастырей, истари пользовавшихся теми же льготами: Чудов был освобождён ещё до 1566 г. от постройки ямских дворов;³ Троице-Сергиев в 1534 г. обязан был давать при нужде из своих вотчин, расположенных по Переславской дороге «от Учи до Дубны» царским гонцам лошадей, а усталых отправлять обратно в городок (Радонеж);⁴ в 1625 и 1857 гг. дано было право «на яму с подводами не стоять, подвод татарских и иных не давать», в 1679 г. разъяснено было переславскому воеводе, что Троице-Сергиев монастырь платит все ямские деньги сполна в Москве непосредственно в ямской приказ и поэтому взимать в монастырских вотчинах подводы или откупаться деньгами не велено; в 1685 г. подтверждена старинная льгота о нестроении ямских дворов.⁵

Всех ямских денег, по сообщению Котошихина, собиралось в Московском государстве до восьми тысяч рублей. Из них каждый ямской охотник получал по 20 р. и больше на год, кроме того, прогоны по 3 деньги за 10 вёрст. У каждого охотника было «указное» число лошадей 3, 6 и более; ездили они с царскими гонцами и всякими людьми, под извозом, по царским подорожным грамотам; были сгруппированы в ямские слободы, состоявшие от 30 до 100 дворов, на расстоянии одна от другой от 30 до 100 вёрст.⁶ Олеарий, хваливший ямскую организацию, замечает:

За ямскую службу каждый крестьянин (ямской охотник) получает в год 30 или 60 рейхсталлеров, может к тому же свободно заниматься земледелием, для чего получает от великого князя землю и освобождается от всяких поборов и других тяжёлых повинностей. Когда они едут, то пристав должен каждому из них выдать по алтыну или по два (что они называют «помаслить хлеб»). Служба эта очень выгодна для крестьян и многие из них стремятся быть подобного рода ямщиками.⁷

По словам Петрея,

Они ездят очень быстро, всегда во всю прыть, как только можно, несмотря на то, что между каждым почтовым домом 6—12 миль. Они ни одного разу не кормят лошадей, не дают им постоять и отдохнуть до самого того места, где хотят быть, или где возьмут свежих лошадей на место прежнего, несмотря на то, что они могут пасть и околеть на дороге. Оттого-то великий князь каждые восемь дней может получать известие о том, что случается на границе и в других местах страны, лежащих от Москвы в 150 милях. В случае промедления ямщиков сажают в темницы и секут розгами.⁸

По северной Московской дороге расстояние от Вологды до Москвы проезжалось на ямских в пять дней: так проехал англичанин Джонсон, через которого Грозный вёл переговоры с королевой английской Елизаветой о женитьбе на её родственнице, — также при царе Пет-

¹Добронравов, В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском / В. Г. Добронравов. — Сергиев Посад, 1908. — Приложение, с. 24, 38, 44.

²Архив Никитского монастыря, грамота 1617 г.

³Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 226-8950.

⁴Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 95-8819.

⁵Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 629-9353, 651-9375, 751-9475 и 755-9479.

⁶Котошихин, Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. К. Котошихин. — 2 изд. — СПб., 1906. — С. 110.

⁷Олеарий, А. Описание путешествий в Московию и через Московию в Персию / А. Олеарий. — СПб., 1906. — С. 230.

⁸Петрей-де-Ерлезунд, П. Описание великого княжества Русского / П. Петрей-де-Ерлезунд // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. — М., 1867. — Т. 2. — С. 400—401.

ре Алексеевиче проехал голландец Корнелий де Бруин, путешествовавший через Московию в Персию и обратно. С тяжёлым обозом то же расстояние проезжали в 15—17 дней.

Дорога эта, имеющая теперь по железнодорожному направлению 454 версты [484 км], разделялась на четырнадцать ямов,¹ но число их и самое распределение не было одинаково и менялось в зависимости от разных условий и требований времени. Наглядно последнее можно видеть на примере Переславль-Залесской области, где по Северной Московской дороге неоднократно наблюдалась смена ямов — закрытие одних и устройство иных. В судебнике 1497 г. великого князя Ивана Васильевича III и 1550 г. царя Ивана Васильевича IV перечисляются два яма — Дубна и Переславль.² Но с течением времени было ещё несколько: на Слободском направлении — Стогово, Бгонский ям и Пердобаска, на Переславском, кроме двух упомянутых, ещё деревня Ям и Рогозинино, всего, следовательно, семь ямов.

Стогово, ныне погост Стоговский Александровского уезда, на речке Вондюге, в 23 верстах от города Александрова. Ям учреждён здесь при великом князе Василии III (1505 г. — 1533 г.) на вотчинной земле Троицкого монастыря. Разъезд новой ямской слободы от монастырской земли с. Воронинского производил Волк Борисов и Василий Шулепов. К Стоговскому яму Троицкой земли было отдано 96 десятин [109 га] и пожень копен с 400. Но ямские охотники завладели ещё двумя деревнями Карповскою и Фоминским починком, попахали самовольно, пожни покосили и сено свезли. По ходатайству Троицких властей эти деревни им были возвращены и восстановлены настоящие грани между ямским и монастырскими владениями.³

Но, видимо, ям существовал в этой местности раньше. В сотной 1562 г. в числе вотчин Троице-Сергиева монастыря упоминается д. Новое — Старый ям на реке Карповке в 13 дворов, о ней замечено: «стала после письма». Очевидно, она основалась на месте прежнего древнего яма.⁴

Ям Бгонский — в 1675 г. деревня Кодяева стана, граничившая с сельцом Клеменчевым, вотчиной Екатерины Унковской.⁵

Пердобаска, ныне село Ям Александровского уезда на реке Печкуре в 10 верстах от г. Александрова между дорог в Слободу из Троице-Сергиева и Киржацкого монастырей. Упоминается позднее Стоговского яма и возможно, что этот ям возник в 1566 г. при царе Иване IV, когда тот проживал в Александровой слободе и, следовательно, в момент особо усиленной ямской гоньбы по той дороге, или по крайней мере в этом году строился новый ямской двор здесь. От постройки этого двора были освобождены вотчины Чудова монастыря.⁶ В 1627—1628 г. Пердобаска находилась в вотчине за переславцем Андреем Ивановичем Головиным. В ней был двор владельца, два двора людских, двор крестьянский, а в нём людей пять человек, три двора бобыльских, людей в них 21 человек, двор пустой и четыре двора дворовых. Пашни числилось по 105 четвертей в поле, сена 250 копен, леса непашенного 10 десятин.⁷

Дубна, ныне деревня Тирибревской волости, Александровского уезда, находящаяся в верховье реки Дубны; но, видимо, этот древнейший ям с течением времени нарушился и потерял своё значение. Корнелий де Бруин останавливался в деревне Тирибрево, куда, быть может, переведён был ям.⁸

Ям, ныне деревня Переславского уезда, недалеко от реки Кубри и села Осиповой пустыни, в 26 верстах от города Переславля-Залесского и верстах в 20 от деревни Дуб-

¹Костомаров, Н. Очерк торговли Московского государства / Н. Костомаров. — СПб., 1889. — С. 92.

²Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею / Археографическая комиссия. — СПб., 1841. — Т. 1. — С. 152, 230.

³Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 92-8816.

⁴Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 204-8928.

⁵Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. — СПб., 1869. — Т. 1. — № 2015.

⁶Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 226-8950.

⁷Московский Архив Министерства Юстиции. Писцовые книги по Переславлю-Залесскому. № 812. — Л. 1141—1143.

⁸де Бруин, К. Путешествие Корнелия де Бруина через Московию / К. де Бруин. — М., 1873. — С. 36.

ны. В старину здесь проходила Шуромская дорога или Шуромка, соединявшая Шуромский стан (Подлипы) через Кижлу с Переславлем-Залесским; дорога выходила на село Вельсково. В 1627—1628 г. Ям был в числе порозжих пустошей, никому не принадлежавших. Тогда здесь состояло: «пашни лесом порослые худые земли 6 четвертей [3,4 га] в поле, а в два потому же. Сена по заполью и по реке по Кубре 40 копен. Лесу пашенного 5 десятин [5,7 га] и непашенного 10 десятин».¹ В 1636 г. пустошь Ям была на оброке за истопником Степаном Куличкиным.²

с. 7 *Рогозининская* ямская слобода, ныне село Рогозинино Переславского уезда, упоминается в межевой книге князя Андрея Стародубцова и подьячего Муртазы Чуфарова 1558 г. при отграничении деревни Подберезья Троице-Сергиева монастыря.³ Годом раньше (1557 г.) на Рогозининских ямщиков бил челом царю Ивану IV Симоновский архимандрит Филофей о том, что они насильственно завладели перевозом на реке Нерли под селом Бутаковым и незаконно лишили монастырь принадлежащего ему дохода.⁴

В XVII в. Рогозинино было помещичье сельцо. Старинную церковную землю Бориса и Глеба держали в 1686 г. на оброке крестьяне того же сельца.⁵ К 1678 г. Рогозинино было за Василием Сергеевичем Вышеславцевым; в селе числилось 11 дворов крестьянских, 2 двора бобыльских, с населением в них 55 человек мужчин.

Корнелий де Бруин при проезде через Залесье останавливался в селе Вашке, занявшей, видимо, место Рогозинина между Переславлем и Ростовом.

Переславская ямская слобода, теперь село, в 3 верстах от города Переславля-Залесского.

Переславский ям существовал уже в XV ст., но начало его могло быть и раньше этого. В следующем столетии под этот ям взято было (до 1552 г.) село Фёдоровское, принадлежавшее Переславскому Фёдоровскому монастырю и находившееся вблизи его.⁶ Одновременно для этой же цели произведено было отчуждение земли у другого Переславского монастыря а именно взято было из жалованных вотчинных земель Данилова монастыря «у сельца Троицкого и Воргуши по самый монастырь 160 десятин [182,1 га] и с хлебом земляным и с пожнями и со всеми угодья» (до 1581 г.).⁷ Село Фёдоровское преобразовано было в ямскую Фёдоровскую слободу, а соединённые монастырские земли образовали её владения.

Центральное место в слободе занимал государев ямской двор, носивший название «прогонного» или «съезжего». Он имел 20,5 сажень [39 м] в длину и 16 сажень [30,5 м] в ширину, состоял из нескольких строений — хором для проезжающих, изб для приезжих ямщиков и надворных построек — сенников и конюшен, обнесённых забором или плетнём. В 1685 г. этот двор строило население двух уездов — Переславского и Ростовского.⁸

Следующими за ним по значению были дома ямского прикащика и дьячка, далее в два порядка шли дворы ямских охотников. Первоначально в новой слободе их было 50 дворов.

Под дворы охотников отведено было вместе с огородом и гуменником каждому 35 сажень [66,7 м] в длину и 15 [28,6 м] в ширину. Пашни всем 85 десятин [96,8 га] в поле, сена 40 копен, леса 2 квадратных версты [227,6 га]; при этом было два отхожих луга — один

¹Московский Архив Министерства Юстиции. Писцовые книги по Переславлю-Залесскому. № 812. — Л. 617.

²Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 453-9177.

³Московский Архив Министерства Юстиции. Писцовые книги по Переславлю-Залесскому. № 254. — Л. 34 и другие.

⁴Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 100-8824.

⁵Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. — М., 1872. — Т. 2. — Отд. 3 — С. 130, № 149.

⁶*Свирелин, А. И.* Переславский Фёдоровский женский монастырь / А. И. Свирелин. — Владимир, 1903. — С. 2—3.

Взамен этого были даны монастырю в Михайловском стану: дд. Сосняг, Хорошево, Муднево пустое, Сычёво, Бизяково, Фалисово большое и малое, Офремово, Малышево, Бренцово, Бачищево, Антоново-Ильино, Лизоново и Яншина Гора. (Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 162—8886.)

⁷*Свирелин, А. И.* Переславский Фёдоровский женский монастырь / А. И. Свирелин. — Владимир, 1903. — Приложение, с. 33—34, 52, 53.

⁸Московский Архив Министерства Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии по Переславлю-Залесскому. № 629-9353.

на берегу Плещеева озера близ села Городищ, другой вблизи села Усоля. Жалованья каждому охотнику полагалось в год по 23 рубля.¹

После смутного времени, когда, очевидно, в системе ямского строения произведены были изменения, к Переславской ямской слободе был приписан (1614—16 гг.) оставленный Ростовский ям. В новом своём составе при царе Михаиле Фёдоровиче слобода заключала в себе 70 дворов охотников, 4 двора половинщиков, да двор приказчиков, да двор ямского дьячка, а людей в них тож; да у них же охотников, братьей и детей и племянников и пасынков и зятей 125 человек, да бобылей 12 человек, да беглых бобылей два человека. В слободе была деревянная церковь во имя Пречистой Богородицы Одигитрии. В придаточном Ростовском яме Якиманского стана в слободе было две церкви деревянных и 23 двора отставленных охотников, да 2 двора вдовьих, а людей в них тож; да у них же братьи и детей и племянников 48 человек, да беглых 23 человека. Кроме того, в деревне Луковине было 6 дворов и дер. Петрецовы 5 дворов крестьянских; к ним 2 села и 15 пустошей, да третий жеребий пустоши, а владели ими Переславля-Залесского ямские охотники.²

По переписным книгам 1677 г. в Переславской ямской слободе было по-прежнему 70 дворов ямских охотников, 4 двора половинщиков и 1 двор бобыльский. В 1708 г. при Петре I здесь было 73 двора.³

При поступлении на службу с ямщиков бралась подписка «жить на яму с жёнами и с детьми и со всеми животы, и с яму не сбегать, никаким воровством не воровать, и зернию не играть, ни корчмы, ни бледин не держать, ни татиною, ни разбойною рухлядью не промышлять, ни татем ни разбойником и всяким лихим людем приезде не держать».

с. 8

Если принять во внимание, что дороги того времени были во власти разбойников и что ямские дворы были вместе с тем дворами постояльями, то подписка, взимавшаяся с ямщиков, становится совершенно понятной.

Случайно сохранившиеся отрывки дел XVII ст. дают возможность судить, что переславские ямщики не всегда твёрдо помнили своё обещание и попадались в проступках, явно противозаконных.

Так, в 1632 г. оказалась кража государственной соболиной казны, принятой переславскими ямщиками, якобы без проверки, от других ямщиков, за что они заплатили по круговой ответственности по 26 рублей, а в 1635 г. платили деньги за кражу государева сахара.⁴

В 1684 г. были сосланы за «воровство» в г. Полатов на вечное житье переславские ямщики Стенька, Якушка, Афонька и Логинка Спикины с жёнами и с детьми. В Полатове их велено было «устроить в пашню». Ссылные ехали через Орёл и Курск. В Орле умер старший Спикин — Степан, в Курске его жена. Дети их по малолетству возвращены были на родину и освобождены от ссылки. Якушка Спикин в том же году сбежал из Полатова и оказался в Ярославле. Но на свободе пожил недолго: был пойман в грабеже и разбоях, за что его пытали и потом сослали в Пустозёрский острог вместе с женой и детьми.⁵

В 1660 г. сидел в тюрьме переславский ямщик Богдашка Посников по прозвищу Галаха по извету его на Никитского крестьянина Никиту Зарнина, сказавшего «невежливое слово» про государя. По словам Зарнина, дело было так: «Пил де он в Переславле-Залесском на кружечном дворе и во пьянстве грехом своим сшибаетца с ума и учинилась у него брань с переславским ямщиком з Богдашкою Галахою в той де бражи во пьянстве и от ево безумия говорил про государево имя невежливое слово и не подобно и в том-де он слове пред великим государем виноват». Как окончилось дело, не известно.⁶

Из всех перечисленных ямов Залесья главное место занимал Переславский. В сущности можно считать, что особенно в XVII в. это был единственный в Переславской области ям, так как остальные ямы или перестали существовать после смутного времени, или же

¹Московский Архив Министерства Юстиции. Писцовые книги по Переславлю-Залесскому. № 265. — Л. 251—260.

²Найдёнов, Н. А. Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / Н. А. Найдёнов. — М., 1884. — С. 30-31.

³Добронравов, В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии / В. Г. Добронравов. — Владимир: Типо-литография В. Паркова, 1895. — Т. 2: Переславль-Залесский уезд. — С. 89.

⁴Московский Архив Министерства Юстиции. Белгородский стол. — Столбец № 83.

⁵Московский Архив Министерства Юстиции. Белгородский стол. — Столбец № 1195. — Л. 125—137, 175—179.

⁶Московский Архив Министерства Юстиции. Приказный стол. — Столбец № 346. — Л. 134—142.

находились в зависимом от него положении. Положение это сохранялось и в XVIII ст., причём по отношению к нему считался приписным Киржацкий ям с дд. Прокудино, Алексино, Нестерово и прочими.¹

Время царя Петра Алексеевича принесло в жизнь Переславского яма и всей Северной Московской дороги, получившей тогда название Архангелогородского тракта, напряжённую сутолоку и массовое движение, а вместе с тем некоторые изменения в постановке самого дорожного дела.

В 1693 г. «Поставлена была от Москвы по городам на ямах до Архангельского города и назад до Москвы почта; а гонять с тою почтою... с Москвы на Переславль-Залесский, на Ростов, на Ярославль, на Волгу и через Вагу и обратно».²

Вслед за этим начались через Переславль-Залесский дальние походы государя. До того времени дорога напряжённо работала до Переславля, когда создатель русского флота учился здесь кораблестроению. С перенесением же дела на Белое море дорога на всём её протяжении оказалась втянутой в преобразовательный переворот, совершавшийся тогда в России.

Ямских сил и подвод, разумеется, тогда не доставало. Обслуживать возникавшие потребности заставляли всех, невзирая на старинные льготы и привилегии. 26 апреля 1694 г. игуменье Переславского Фёдоровского монастыря Капитолине приказано было для государева пришествия, под походных людей и под запасы приготовить, в числе других, 500 подвод.³

В 1703 г., когда Пётр I был занят великою северною войной с Швецией, через Архангельск вливались в Россию целые отряды иноземцев, устремлявшихся сюда на службу. Между прочим, в этом году прибыла большая партия голландских офицеров для обслуживания нарождавшегося русского флота. Их приезд поставил в крайнее затруднение Ростовского бургомистра, обязанного доставить их до Переславля-Залесского.⁴

В 1710 г. по дорожному делу возникли в Переславлe затруднения с драгунами и шведскими пленными. Во множестве с подорожными и без подорожных проходили через Переславль-Залесский драгуны. Не довольствуясь ямскими лошадьми, они ловили в торговые дни крестьянские подводы под «рекрутные солдаты» до Москвы и до Ярославля, сопротивлявшихся им подьячих и служилых людей били смертным боем, иные подьячие от того бою и померли.⁵

В январе этого года с Москвы было направлено в Переславль-Залесский четыре партии пленных офицеров по 100 человек для пересылки их в Соль Вычегодскую, Камскую, Галичскую и Сибирь, с ними по 6 человек конвойных солдат. На каждую партию пришлось городу дать по 54 подводы и, кроме того, проводников до Ярославля, что давало льготу Ростову и излишне обременяло Переславль-Залесский.⁶

Такое напряжённое движение по Архангелогородской дороге, тяжело отзывавшееся на всём придорожном населении, продолжалось до того времени, когда вместо Белого моря главное сообщение с границей наладилось через Балтийское и новую столицу Петроград. Судорожное и мучительное оно было таковым пред концом исторического существования, пока не замерло окончательно. С переменой же направления оно совершенно замолкло, потеряв свой характер, и дорога обратилась в обычный областной путь.

По этому направлению через Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль в 1849 г. устроена была щебёночная дорога (шоссе), а в 1868 г. — железная; последняя обошла Переславль далеко стороной. Из них шоссейная дорога с её почтовыми станциями и оживлённым движением на перекладных, dormireх и прочем давно замерла и стала «воспоминанием старины», как забытая ямская дорога времён Московского государства.

М. И. Смирнов

¹Шумаков, С. А. Обзор грамот коллегии экономии, выпуск 4 / С. А. Шумаков // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. — М., 1917. — Т. 2, 3. — № 1162, 1170, 1173, 1175.

²Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1828. — Т. 4. — С. 639.

³Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1836. — Т. 4: 1645—1700 гг. — № 234.

⁴Архив Министерства Юстиции. Разрядный приказ. Разрядная вязка № 31. — Д. 171.

⁵Архив Министерства Юстиции. Разрядный приказ. Разрядная вязка № 58, II. — Д. 126.

⁶Архив Министерства Юстиции. Разрядный приказ. Разрядная вязка № 54, III. — Д. 27а. — Л. 488—489.

Александрова гора

Берега Плещеева (Клещина) озера изобилуют историческими местами и связанными с ними воспоминаниями. На восточном берегу расположен Переславль-Залесский с его древним земляным валом, многочисленными монастырями и церквами, на южном — «Ботик» Петра Великого, на западном за с. Соломидиным — Городище, память о неведомо когда-то существовавшем тут городке, но особенно богат седой стариной северный берег — здесь остатки г. Клещина и Александрова гора.

Из всех перечисленных пунктов последняя едва ли не самый древний и, во всяком случае, замечательный памятник раннейшего периода истории Залесья.

Она расположена между с. Городищем (бывшим гор. Клещиным) и д. Криушкино и представляет собою искусственно обделанный холм, выступающий от берегового массива к озеру и связанный с высотами первого узкой полосой; имеет с трёх сторон, кроме северной, весьма крутой подъём и возвышается над озером сажень на 20 [38 м].

Благодаря счастливому случаю Александрова гора попала в круг археологических исследований, предпринятых в половине минувшего столетия Министерством Народного Просвещения (1853—54 г.). Заведовавший раскопками Николай Васильевич Савельев-Ростиславич обратил особое внимание на Александрову гору и исследовал её со всею тщательностью и приёмами, какими располагала наука того времени. Но преждевременная смерть этого учёного († 1854 г.), уделявшего много времени и сил на изучение истории Переславского края (ему принадлежит исследование: «Древний и нынешний Переславль-Залесский в историческом и статистическом отношениях», М., 1848 г. и другие) не дала возможности лично докончить начатое дело. Собранные им материалы, заметки, чертежи и прочее поступили потом в руки графа А. С. Уварова, отца русской археологии, а последним делом было доведено до конца.

Резюмируя дневник раскопок Савельева-Ростиславича, он говорит:

Гора эта срезана была на пять сажень [9,5 м] глубины до песчаного ея грунта; всё это была насыпь, и разрез ея обнажил несколько слоёв древностей различных эпох. На самом материке, на песке найдены куфические монеты Аббасидов и Сассанидов (859 и 900 гг.) вместе с слоем жжёных углей, в котором сохранились черепки от разбитых горшков, небольшие ножи, ключ и железные пряжки точно такой формы, как находимые в курганах. Слой из углей, потом слой кирпича, в котором найдены были вышеупомянутые предметы; сверху лежал слой из углей и кирпичей, и ещё выше слой из щебня, в котором также найдены ножи. Савельев полагал, что христианство, пришед сюда, усердствовало истреблять огнём следы язычества. На месте сожжённого капища возникла православная церковь, дабы изгладить самую память о бывшем идолопоклонстве. Церковь в свою очередь была разрушена и след ея существования обозначился полосой щебня и костями схороненных вокруг нея христиан, а указание на истребление ея басурманами сохранилось в найденных в том же слое татарских монетах (Джани-бек-хана около 1350 г.), стреле и кинжале. Тут же нашёлся серебряный слиток или гривна в 42 золотника [179,2 г]. Грозные татары, опустошив край, удалились. Православие вновь воздвигло храм на той же горе и следы новой постройки обозначены были новым слоем оставов с тельными крестами, с плитами и с денежками Иоанна III. Храм этот, в свою очередь, разрушился от времени или несчастных событий, и над ним воздвигся монастырь, обнесённый деревянною оградю с пятью круглыми башнями, от которых сохранились основания (даже остались следы печи с горшками). Слой этих оснований был отделён от другого нижнего слоя особым слоем, в котором найдены угли, брёвна,

ряд кирпичей, обломки плит и прочее. Савельев на плане восстановил строение бывшего монастыря по следам, найденным при раскопке. Главная церковь стояла возле кладбища, а по сторонам были выстроены кельи; заметны даже следы дорожек. Весь монастырь обнесён был стеною или оградой и шестью башнями. На время существования этого монастыря указывают лишь отрывки в развалинах его монеты царя Иоанна IV и плита с надписью 1512 г. Деньги Иоанна IV, числом более тысячи, лежали в груде, но вероятно выпали из глиняного сосудика, на котором была надпись: «кубышка». Савельев не нашёл никаких письменных актов об этой обители, кроме одного известия, из которого видно, что место «бывшаго Александрова монастыря» пожаловано во владение монастырю Никитскому. Предание однакоже сохранило самой горе где была древняя обитель, название Александровой. Мы не станем распространяться подробно о предметах, здесь найденных, потому что большая часть из них относится к монастырскому быту и не принадлежит к предмету нашего исследования, но всё-таки заметим, что эти вещи, не отличались богатством материала, тем не менее важны для русской археологии, указывая на формы и стиль изделий XV и XVI вв. Особенно многочисленны костяные изделия, которыми, повидимому, занимались иноки монастыря: разные кресты, гребни, стрелы, иглы и прочее. Бронзовый наугольник от евангелия с изображением евангелиста Марка, представляет рисунок даже не чуждый искусства.¹

Выводы, сделанные археологами без всякого влияния документальных исторических данных, весьма характерны.² Построенные на одних археологических признаках, они отличаются достаточной полнотой и правильностью. Можно внести всего лишь одну поправку, а именно: там, где археология считает нахождение христианского храма, был в то время монастырь. Монета Джани-бека 1350 г. найдена не в развалинах сельской церкви, а монастыря, и монастырь этот был Александров.

К этому неизбежно приводят следующие исторические документальные данные. В духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича, написанной около 1356 г., говорится:

А се даю сыну моему князь Дмитрию икону св. Александра... а село на Рокше Романовское кн. Дмитрию, а кн. Ивану село Афинеевское, да селцо у Павловского села, а село Павловское дал есть св. Александру в прок себе в память.³

В духовной (1369—78 гг.) великого князя Дмитрия Ивановича Донского подтверждено:

А что отец мой великий князь [дал] село Павловское к святому Александру... того не подвигнуть.⁴

Хотя нередко это относят к Александровскому Суздальскому монастырю,⁵ но в действительности в обеих грамотах речь идёт о Переславском Александровском монастыре. В этом убеждает то обстоятельство, что упоминаемое в грамотах село Павловское, ныне погост Павловский, что в пустошах, Александровского уезда, было вотчиной Переславского Александрова монастыря и продолжало именоваться таковою после его запустения. Романовское на Рокше, в связи с которым упоминается Павловское, [есть] Переславское село; несомненно, что в приведённом отрывке великокняжеской духовной имелись в виду Переславские сёла и ближайšie к ним (Афинеево Юрьевского уезда).

Таким образом, Александров монастырь над Переславским озером существовал в половине XIV в. и имел в это время вотчину. Одновременно с ним из Переславских только Горницкий был владельцем земельной собственности: ему принадлежали тогда пустоши Бартенево и Климово. Подобных сведений о других Переславских монастырях не имеется.

Кем и когда был основан Александров монастырь, пытается дать ответ легенда.

¹ Уваров, А. С. Меряне и их быт по курганным находкам / А. С. Уваров // Труды I Археологического съезда в Москве. — М., 1871. — Т. 2. — С. 657—658.

² // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1857. — Март. — С. 158.

³ Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1813. — Т. 1. — № 26, с. 42, 43.

⁴ Там же. — № 30, с. 51.

⁵ Малицкий, Н. В. Из прошлого Владимирской епархии / Н. В. Малицкий. — Владимир, 1912. — Т. 3. — С. 56.

По замечанию Гюго: «История нужна для целого, легенда — для подробностей. История имеет свою истину, легенда свою. Легендарная истина другого свойства, чем истина историческая. Истина легендарная — это вымысел, имеющий в основании правду».

Это положение как нельзя лучше иллюстрируется относящимися сюда преданиями. Не считаясь с тем, что говорят раскопки и документы, совершенно независимо от этого существуют две версии, причём происхождение монастыря обе они связывают с именем князя Александра Невского.

Но сходясь на одном и том же историческом лице, каждая из них имеет следующие подробности, несходные между собой. По первой Александр Невский, удельный князь Переславля-Залесского, вследствие несогласия с Новгородом Великим, где он княжил временами и оказывал новгородцам многочисленные услуги, в 1240 г., после знаменитой Невской победы, прибыл в Переславль-Залесский со своею матерью, супругою и всем двором. В благодарность за дарованную ему победу и небесную помощь, оказанную невидимо князьями Борисом и Глебом, он основал над озером монастырь, называвшийся с тех пор по имени основателя Александровым. Церковь же монастырская была посвящена в честь споспешествовавших Невской победе святых князей Бориса и Глеба.¹

По второй версии, занесённой в церковную летопись с. Городищ, близ которого находится Александрова гора, здесь был дворец великого князя Александра. В этих хоромах, стоявших на высокой горе в защищённой и почти неприступной местности, он проживал во время своего княжения в Переславле.

Во времена татарщины хоромы эти погибли и больше здесь не возобновлялись. Но народная память отметила это обстоятельство, дав название горе Александровой. В дальнейшем на развалинах хором был воздвигнут храм, а после прославления князя Александра (в 1547 г.) монастырь, посвящённый его памяти.²

Та и другая версия напоминают скорее книжные домыслы, чем зародившиеся в народных недрах легенды. Особенно неудачна вторая, она постоянно находится в противоречии с археологическими и историческими данными. Трудно согласиться и с первой. Монастыри обычно именовались по храмам и в духовной великого князя Ивана II монастырь на Александровой горе прямо называется «св. Александр», а не «св. Борис и Глеб». С последним названием в Переславле было два монастыря: Борисоглебский на Горе и Борисоглебский на Песке. Нередко первый из них вследствие неясности легенды сливают с первым и считают Александров над озером и Борисоглебский над озером за один монастырь.³

Хотя то или иное участие великого князя Александра Невского в судьбах этого монастыря возможно, но судя по археологическим указаниям, правдоподобнее относить основание обители к древним языческим временам. Раз установлено, что Александрова гора была местом языческих молитв и жертвоприношений, то вполне естественно, что с распространением христианства в этом краю было важно и прямо необходимо в целях миссионерских обратить здешнее требище в рассадник евангельского просвещения, каковым лучше всего по тому времени мог быть монастырь. В таком случае все три монастыря, прилежавшие к древнему городу Клещину: с одной стороны Никитский и Борисоглебский, с другой Александров, нужно считать одновременными по своему происхождению.

Обнаруженный при археологических раскопках план монастырских строений показывает, что это был небольших размеров монастырь. Александрова пустынь не могла быть, таким образом, многолюдною обителью, и возможно, что отличалась особенностями своего монастырского строя от жизни соседних монастырей Никитского и Борисоглебского, не носивших название пустыней.

¹Труды Владимирского губернского статистического комитета. — Владимир, 1863. — Вып. 2. — С. 120—121.

Стромилов, Н. С. Александрова слобода. Слобода до Грозного / Н. С. Стромилов. — М., 1884. — С. 26.

Добронравов, В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии / В. Г. Добронравов. — Владимир: Типо-литография В. Паркова, 1895. — Т. 2: Переславль-Залесский уезд. — С. 100.

²*Ильинский, П. В.* Александрова гора близ города Переславля-Залесского как место хором князя Александра Невского / П. В. Ильинский // *Владимирские губернские ведомости*. — 1897. — № 26. — С. 640—643.

³*Масанов, И. Ф.* Библиография Владимирской губернии / И. Ф. Масанов; Под ред. А. В. Смирнова. — Владимир, 1908. — Т. 1. — С. 353.

Шереметьев, С. Два упразднённых монастыря над Переславским озером / С. Шереметьев. — М., 1901. — С. 6.

Суворов, И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря / И. Суворов. — Вологда, 1914. — С. 4.

с. 12

Несмотря на то, что Александрова пустынь существовала столетия, невозможно указать ни одного имени монастырских настоятелей. Только открытая под слоями земли каменная плита сохранила имя одного инока Мисаила, погребённого здесь в 1512 г.¹ Найденные здесь в изобилии костяные изделия свидетельствуют, что среди иноков было распространено роговое производство. К этому можно добавить, что по склонам горы ими был разведён огород и хмельник.

Монастырь погиб в Смутные годы. Вероятнее всего, в это время он запустел или, по крайней мере, не все здания и не всё имущество его было уничтожено польскими отрядами. Есть основания думать, что монастырское достояние расхищалось потом разными лицами. Между прочим, два монастырских колокола, весом 8,25 пудов [135 кг], оставшихся целыми после катастрофы, были увезены мирским попом Терентием и повешены на звоннице Переславской Варварской церкви. Но по государственной грамоте были отобраны и в 1629—35 гг. хранились на воеводском дворе г. Переславля-Залесского.²

Подобная же участь постигла и недвижимые монастырские владения. Нужно сказать, что Александрова пустынь была одною из состоятельных монастырей Переславских. Кроме монастырского места на Александровой горе в Кивучерском стане ей принадлежала пустошь Чирикова в Конюцком и с. Павловское в пустошах в Кивучерском.

Наследником запустевшей пустыни оказался соседний Никитский монастырь. Усилившись причислением к нему Переславского Духова монастыря, он выхлопотал себе у патриарха Филарета, охотно ликвидировавшего запустелые монастыри, бывшее церковное место на Александровой горе. В описи 1702 г. Никитского монастыря упоминается не сохранившаяся теперь «жалованная грамота в. г. свят. патр. Филарета Никитича Московского всея Руси о взятии церковной земли Александровой пустыни 7137 г. генваря в 29 день».³

Вместе с тем Никитский монастырь завладел пустошью Чириково, которая в 1630 г. писцами Андреем Загряским да подьячим Гаврилою Володимеровым записана была в межевых книгах за Никитским монастырём. Между тем, за упразднением монастыря она должна была поступить наряду с другими монастырскими вотчинами в собственность патриарха. При переписи церковных земель в 1684 г. было обнаружено это обстоятельство дозорщиком Матвеем Кувшиновым. С Никитского монастыря стал взыскиваться, очевидно, установленный ещё при патриархе Филарете оброк как за церковную землю, так и за пустошь Чириково в сумме четырёх рублей. Но в 1690 г. в дальнейшем владении пустошью было отказано. Монастырские власти и после этого не оставляли хлопот вернуть эту землю, но в 1696 г. им было повторено: «от этой пустоши отказать, да на них же взять за мимошедшие годы владенье по указу». Но, несмотря на это, в XVIII ст. монастырь продолжал владеть этой пустошью и перед самой секуляризацией монастырских вотчин добился (в 1764 г.) получения её в вечное владение, но с уплатой ежегодного оброка. В 1764 г. она была отобрана от Никитского монастыря наравне с другими вотчинами, но в 1855 г. 14 марта лесная дача Чирикова пустошь в количестве 166 десятин 1602 сажень [189,5 га] пожалована для вящих средств к существованию монастыря.⁴

Что же касается церковного монастырского места на Александровой горе, то оно (в количестве 27 десятин 338 сажень [30,8 га]) не было отобрано от Никитского монастыря в 1764 г. и оставалось его собственностью до последнего времени.

Самая же значительная вотчина бывшего Александрова монастыря село Павловское, что ныне погост Павловский в пустошах, после запустения Александрова монастыря, очевидно, долгое время не имела настоящего хозяина и самовольно заселена была во многих пунк-

¹ // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1857. — Март. — С. 159.

Сравним: у Стромиллова инок ошибочно назван Михаилом. (Стромиллов, Н. С. Александрова слобода. Слобода до Грозного / Н. С. Стромиллов. — М., 1884. — С. 26.)

Сравним: у Суворова инок ошибочно назван Максимом. (Суворов, И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря / И. Суворов. — Вологда, 1914. — С. 4.)

² Московский Архив Министерства Юстиции. Белгородский стол. Столбец 24 и 584. Московский стол. Столбец 107 и 390.

³ Найдёнов, Н. А. Переславль-Залесский. Никитский монастырь. Материалы для его истории XVII и XVIII столетий / Н. А. Найдёнов. — М., 1888. — С. 36.

⁴ Свирелин, А. И. Описание Переславского Никитского монастыря в прежнее и нынешнее время (с приложением календаря, составленного для г. Переславля) / А. И. Свирелин. — М., 1878. — С. 56.

тах. По дозору 1699 г. на основании писцовых книг Андрея Загрязского 1629—30 гг. она определена была в состав следующих селений и пустошей Киучерского стана: пустошь *Павловской*, в 1356 г. великокняжеское село, запустело в смутной время, в 1629—30 г. в нём вместе с припущенными в пашню пустошами Подсосенье, Ляпуновка, Чуркино было пашни пахотной наездом средней земли 40 четвертей [22,8 га]; перелогом и лесом порослой 443 $\frac{1}{3}$ четвертей [252,7 га] в поле а в дву потомуж, сена 300 копен. В 1691—92 гг. на пустоши построена была церковь во имя Николая Чудотворца.

Деревня *Отхожее Поле* выстроена до 1699 г. на Павловской пустоши, в ней было 6 крестьянских дворов.

Деревня *Подвязь* возникла до 1699 г., в ней также было 6 крестьянских дворов.

Деревня *Долгое Поле* за речкой Воробейкою, возникла до 1699 г., в ней было 16 крестьянских дворов.

Деревня *Чуркино*, построена на ней деревня до 1699 г., в ней было 4 крестьянских двора.

Пустошь *Высокое* на реке Водохлысте, до смутного времени была сельцом, к нему припущено в пашню пустошь Малое Высокое на речке Водохлысте, Семёново на реке Рокше и Дуплехово тоже на реке Рокше. В них, по писцовым книгам 1629—30 г., определено было пашни пахотной наездом средней земли 25 четвертей [14,2 га] перелогом и лесом порослой 174 четвертей [99 га] в каждом от трёх полей, сена 150 копен, леса непашенного 7 десятин [8 га].

с. 13

Деревня *Малое Высоково* — оказалась заселённой по дозору 1699 г., в ней было 11 дворов крестьянских.

Деревня *Семёново* — 9 дворов крестьянских.

Пустошь *Стоянкова*, до смутного времени деревня, в ней по писцовым книгам 1629—30 г. пашни перелогом и лесом порослой средней земли по 200 четвертей [113,8 га] в поле, сена 100 копен, леса непашенного 6 десятин [6,8 га].

Пустошь *Раева* на р. Рокше, до смутного времени деревня, к ней припущено в пашню пустоши Подвязево, Гульнево, в них, по писцовым книгам 1629—30 г., пашни перелогом и лесом порослой средней земли по 150 четвертей [85 га] в поле, а в дву потомуж, сена 70 копен, леса непашенного 5 десятин [5,7 га].

Пустошь *Тетерево*, *Тепелево* тоже на реке Рокше, до смутного времени деревня, в ней, по писцовым книгам 1629—30 г., пашни перелогом и лесом порослой средней земли по 150 четвертей [85 га] в каждом поле, сена 100 копен, леса непашенного 7 десятин [8 га], по досмотру 1699 г. здесь было 13 дворов крестьянских.

Пустошь *Вандухова* на р. Водохлысте, до смутного времени деревня, в ней, по писцовым книгам 1629—30 г., было пашни перелогом и лесом порослой по 100 четвертей [56,9 га] в каждом поле, сена 50 копен.

Лужок *Поповка*, под с. Бектышевым, сена 10 копен, владели им помещики Михаил и Александр Самсоновы.

Осело леса непашенного 4 десятины [4,5 га].

Всего, таким образом, в Павловской вотчине бывшего Александрова монастыря по современному счёту было свыше 2 000 десятин [2 276 га] земли.

В 1699 г. эта вотчина давала оброка 150 р., но в доброе старее время, при существовании Александровой пустыни до разорения её в смутное время, она приносила монастырю, надо думать, хороший доход. Не удивительно, что при раскопках на Александровой горе найдена кубышка с тысячью монет. Эти деньги, не считая пожертвований и подаяний, могли быть получены с одной этой вотчины.

Сравнивая по имущественной состоятельности этот монастырь с другими упразднёнными Переславскими монастырями, оказывается, что после Горицкого он, можно думать, занимал чуть ли не первое место.

Вследствие этого запустение Александровой пустыни является не совсем понятным. Если возродились после смуты менее состоятельные монастыри, то тем более это могла сделать состоятельная обитель, которая и была разрушена, как замечено выше, не дотла, часть её имущества осталась целой. У ней были припрятаны на чёрный день средства.

Не отсутствие средств, таким образом, было причиною запустения древнего монастыря. Её нужно искать в другой области. Дело в том, что после смутного времени оказалось

громадное число запустевших монастырских и церковных земель. При патриархе Филарете принято было за систему усиливать этими землями более значительные монастыри, так или иначе сохранившиеся после смутных лет. Обыкновенно земли эти отбирались на патриарха и отдавались монастырям из оброка, иногда с обязательством строить на бывшем монастырском месте обитель, а в большинстве без этого условия. Возобновлённый таким образом монастырь становился подчинённым тому, который его выстроил.

После того, как не нашлось в течение 17 лет (от 1612 по 1629 г.) никого, кто бы взял на себя труд возобновить Александрову пустынь, что в то время было дело не лёгкое даже и при средствах, патриарх Филарет согласился на ходатайство Переславского Никитского монастыря отдать ему запустевшее место и ближайшую пустошь Александровой обители из оброка. Произошло это 29 января 1629 года и, видимо, без обязательства восстановить монастырь.

Эту дату и следует считать последним концом Александровой пустыни. Не будь этого, подобно другим монастырям, она могла бы ещё быть восстановленной в последующие годы. Но теперь отпадала всякая возможность. Нужно сказать, что Никитский ранее этого (в 1617 г.) получил подобным образом церковную землю и вотчины Переславского Духова монастыря и довольно своеобразно выполнил свою задачу. Построив монастырь, он со временем обратил его в приходский храм, а вотчины присоединил к своим недвижимым владениям. В данном случае, с получением на оброк запустевшей Александровой пустыни, Никитский монастырь смотрел всё время на неё чисто с хозяйственной точки зрения. Кроме того, что не в его интересах было возобновление соседнего монастыря, так или иначе конкурента по доходности, для Никитского было выгодно пользоваться угодьями: огородом, хмельником, лугом и лесами запустевшей обители и в этих видах стремиться крепко держать их в руках.

с. 14 В результате 300-летнего владения Никитским монастырём Александрова гора в настоящее время унылая и безмолвная местность. Напрасный труд был бы искать здесь крест или часовню, хотя бы самую скромную, на месте запустевшего алтаря. Ничего подобного там не было. Сказался ли в этом полный индифферентизм со стороны владельцев, или намеренный расчёт, чтобы не напоминать о бывшей обители — безразлично. Факт налицо.

Но если Александрова гора забыта духовными властями, то долго не забывал её народ. До самого начала XX ст. в течении ряда веков, из года в год приходил он сюда на гуляние в неделю всех святых. Теперь это паломничество перенесено ближе к городу Переславлю. В то же воскресенье народ собирается к городскому кладбищу Бориса и Глеба у водопроводной будки и по старой памяти гуляет, как это делали его деды и прадеды.

Истинный смысл гуляния утрачен народом давно, но его можно восстановить более или менее правильно. С чествованием дня св. Александра оно не совпадает и относится к числу старинных праздников времени близкого к Троицыну дню. А многие праздники этого времени входят в цикл древних языческих праздников в честь весны. Вот это именно и помнит бессознательно народ. Несмотря на столетия, отделявшие его от мерянских времён, когда на Александровой горе горели священные огни жертвоприношений, он инстинктивно не забыл этого. Как собирался раньше по зову жрецов, так бывал здесь потом по принятии христианства, приурочив этот праздник к неделе всех святых.

С переходом гулянья в другое место потухла последняя искра еле теплившегося на Александровой горе очага народной веры и традиции. Дух, обитавший здесь, оставил её. Выполнив своё провиденциальное назначение, одинокая и забытая, стоит она над чистыми водами Переславского озера и служит немым укором для неблагодарных поколений.

Забыта и заброшена живая летопись и скрижаль края, один из древнейших исторических памятников Залесья, выросший с веками в высокую гору. Не из песка только и глины создавалась Александрова гора, а из пережитых жизней, из праха храмов языческих и православных, из крови, народного горя и слёз. Всё это стёрлось в пыль, всё смешалось с землёю и создало этот величавый холм.

«Минуты странники, мы ходим по гробам...»

«Воровские» письма

(Из быта и нравов XVII ст.)

Правительство «тишайшего» царя Алексея в своей заботе о благе подданных не ограничивалось одной гражданской областью управления. Наряду с законодательной, судебной, полицейской частью видное место занимала у него забота о насаждении благочестия и о спасении душ человеческих.

Сам весьма набожный и преданный делу церкви царь Алексей Михайлович играл видную роль в этом направлении. Понимая благочестие в духе господствовавшего тогда аскетического начала, он требовал от своих подданных истового выполнения обрядностей и воздержания от мирской весёлости. «Жалея о православных христианах», великий государь направлял батогами на путь райского спасения тех из них, которые являлись ослушниками его велений, а неисправимых вразумлял ссылкой в украинные города.

Как образчик такого рода попечений весьма любопытна в этом отношении грамота 1655 г., адресованная на имя Ермогена, архимандрита Горицкого монастыря в Переславле-Залесском. Она гласит:

От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси. Переславля-Залесского в Горицкий монастырь архимариту Ермогену. Ведомо нам учинилось, что в Переславле-Залесском и в иных городех и в уездах мирские всяких чинов люди, и жены их, и дети в воскресные и в господские дни и великих святых во время святого пения к церквам Божиим не ходят и умножилось в людех во всяких пьянство и всякое мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми, и от тех сатанинских учеников в православных крестьянах учинилось многое неистовство и многие люди, забыв бога и православную христианскую веру тем прелесником и скоморохом последствуя на безчинное их прелщение сходятца по вечерам и во всеночных позорищах на улицах и на полях и богомерзских и скверных песней и всяких бесовских игр слушают мужского и женского полу и до сущих младенцев, и на кулашных боях меж собою драку делают и на качелях колышутца вокруг и на деревках, а иные прелесники мужского и женского полу в городех и в уездах бывают со многим чародейством и волхованием и многих людей тем своим чародейством прелщают, а иные люди тех чародеев и волхвов и богомерзских баб-вдов себе принимают и к малым детям, и те волхвы над болными и над младенцы чинят всякое бесовское волхование и от правверия православных христиан отлучают, да в городех и в уездах от прелесников и от малоумных людей делаетца бесовское сонмище, сходятца многие люди мужского и женского полу по зорям и в ночи, чародействуют с солнечного восхода первого дни луны и смотрят и в громкое громаение на реках и в озерах купаютца, чают себе от того здравия, и с серебра умываютца, и медведя водят, с собачками пляшут, зерню и карты и шахматы и лодыгами играют, и безчинное скакание, и плесание, и поют бесовские песни, и на святой неделе жонки и девки на досках скачут, а об Рождестве Христове и до Богоявления дни сходятца мужского полу и женского многие люди бесовское... по дьявольской прелести многое бесовское действо играют во всякие бесовские игры, а в на вечера Рождества Христова и Василева дни и в Богоявление Господне клики бесовские кличут, колоду, и таусень, и плугу, и многие человецы неразумием веруют в сон, и встречу, и в полаз, и во птичей грай, и загадки загадывают, и сказки сказывают небыльные, и празднословием, смехотворением и кощунанием души свои губят такими помраченными и беззаконными делами, и накладывают на себя личины и платье скоморошеское и меж себя, нарядя

с. 15

бесовскую кобылку, водят, и в таких позорищах своих многие люди в блуд впадают и незапною смертью умирают, а в той прелести крестьяне погибают и с качелей многие убиваютца до смерти; да в городцких же и в уездных людех у многих бывают на свадьбах всякие безчинники и сквернословцы и скоморохи со всякими бесовскими игры, и уклоняютца православные христиане бесовским прелестем и ко пьянству, а отцов духовных и по приходом попов и учительных людей наказания не слушают и за наказание отцом своим духовным, приходным попом и учительным человеком наруганье и укоризны и безчестья и налогу делают. И мы, великий государь, жалея о православных христианах, велели о тех богомерских делах заказ учинить, чтоб православные христиане от такова от бесовского дества отстали. И как к тебе ся наша грамота придет и ты б в воскресной не в один день велел быть в соборную церковь игуменом и черным и мирским попом и головам стрелетцким и сотником и детем боярским и их приказным и всяким служилым человеком и жилетцким и уездным человеком и которые съедутца к торговому промыслу для своих дел и сю нашу грамоту велеть им прочесть у церкви не по одиножды всем вслух и приказать им, чтоб в городе и в слободах и в уезде мирские всяких чинов люди и жены их и дети в воскресные и в господские дни и великих святых к церквам Божиим к пению приходили и у церкви Божии стояли смиренно, меж себя в церкви Божии в пение никаких речей не говорили и слушали б церковнаго пения со страхом и со всяким благочестием внимательно и отцов своих духовных и учительных людей наказания и учения слушали, и от безмерного пьяного питья уклонялись и были в твердости, и скоморохов з домами и з гусли и с волынками и со всякими игры, и ворожей, мужиков и баб к болным и ко младенцам в дом к себе не призывали, и в первой день луны и в гром на водах не купались, а с серебра по домам не умывались, и олова и воску не лили, и зерню, и карты, и шахматы и лодыгами не играли, и с медведем и с сучками не плесали, и никаких бесовских див не творили, и на браках песней бесовских не пели, а никаких срамных слов не говорили, и по ночам на улицах и на полях богомерских и скверных песней не пели и сами не плесали и в ладони не били, и всяких бесовских игр не слушали, и кулачных боев меж собой не делали, и на качелях ни на каких не качались, и на досках мужского и женского полу не скакали и личин на себя не накладывали, и кобылок бесовских, и в свадьбах безчинства и сквернословья не делали. А где объявятца домры, и сурны, и гутки, и гусли, и хари, и всякие гудебные бесовские сосуды, и ты б те бесовские сосуды велел вынимать и, изломав те бесовские игры, велел жечь. А которые люди от того ото всего богомерского дела не отшатнут и учнут впредь такова богомерского дела держатца, и по нашему указу тем людям ведено делать наказане; где такое безчиние объявитца, или хто на кого такое безчиние скажет, и ты б тех велел бить батоги, а которые люди от такова безчиния с наказания не отшатнут, а вымут такие богомерские игры в другие, и ты б тех ослушников велел бить батоги, а которые люди от того не отстанут, а объявятца в такой вине в третье и четвертые, и тех по нашему указу велено ссылат в украинные города за опалу. Да подлинно сю нашу грамоту велел прочесть всяких чинов людям по многие дни, чтоб о богомерских и о чародейных играх всяких чинов людям городским и уездным был ведом, и с сей нашей грамоты списки слово в слово разослал в станы и волости и велел те списки по торшком почитать многожды, что б сей наш крепкой заказ ведом был всем людям. А как в Переславле-Залесском по сему нашему указу всяких чинов людям о богомерских делах заказ учиниш что тебе духовного чину и мирские люди скажут, и ты б о том к нам отписал.

Писан на Москве, лета 7163 го мая, в «—» день.¹

Грамота эта интересна не только как памятник законодательства XVII ст.; её главная ценность состоит в описании быта и нравов того времени. Это — любопытнейший этнографический документ официального характера, свидетельствующий о живучести язычества в народной среде, о тогдашних обычаях, развлечениях, пороках, суевериях и тому подобном. На основании имеющихся здесь данных можно представить себе яркую картину прошлого.

¹Московский Архив Министерства Юстиции. Белгородский стол. Столбец № 377. — Л. 42—40.

Сравним: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею / Археографическая комиссия. — СПб., 1842. — Т. 4. — № 35. — Грамота 1649 г. о том же Верхотурскому воеводе.

Не имея в виду подробно останавливаться на ней во всех её деталях, важно для нас в данном случае отметить и подчеркнуть одну особенность. Это — веру в волшебство и чародейство.

В то время существовал многочисленный класс знахарей и «богомерзких баб» — чародейки и волшебницы. При общем веровании в нечистую силу и разные средства подчинения этой силы власти человека, при вере в могущество наговорных кореньев, воды, углей и в тысячи разных разновидностей этого рода, все эти волшебники были естественным и необходимым явлением того времени. «Русские люди, — свидетельствует летописец, — прелестны и падки на волхование».¹

Волхвователи и чародейки имели полный успех не только в массах простого народа, но в такой же степени в высших слоях общества и в самом великокняжеском, а потом и царском быту. Великий князь Василий III пользовался услугами чародеев после женитьбы на Елене Глинской, царь Иван IV и Борис Годунов в последние годы своего царствования призывали к себе разных ведунов чуть не ежедневно и пользовались их указаниями.

Если в XVII в. при самом царском дворе не было таких резких фактов пользования волшебством, то несомненно, что всё же существовала полная вера в колдунов. В 1632 г. царь Михаил Фёдорович под страхом смертной казни запретил покупать хмель у литовских людей, потому что «баба ведунья наговаривает на хмель, который из Литвы возят в наши города, чтоб тем хмелем в наших городех на люди навесь моровое поветрие».² При царе Алексее Михайловиче под страхом тяжчайшего наказания сберегали царское бельё, что бы в него не было положено кореньев и не учинено с ним какое-либо ведовство, которое могло потом испортить государя или его семейных.

Волшебникам и чародеям приписывались тайные могучие силы, посредством которых они могли делать то, что обычным людям не было под силу. Чародейство, по представлению людей того времени, было реальной силой, вредной или полезной, смотря по тому, как оно применялось. Ворожеи и колдуны играли большую роль в сфере любви и половых отношений. Они могли «приворожить», «разлучить», «приворотить», «испортить» молодых и влюблённых. У них было для того множество разных средств — трав, кореньев, наговоров, снадобий и прочего. Колдунов боялись и звали их на свадьбы. Не менее заметна была роль их в деле врачевания и лечения болезней. Ворожеи в то же время были повитухами и лекарками. Они пользовали больших и малых; могли облегчить болезнь, но могли и напустить её, — испортить человека, пустить килы³ и прочее. Касалось это не только отдельных лиц, а и целого населения: они портили погоду, насылали неурожай и голод, мор.

Отсюда являлась необходимость бороться с волшебством, как с опасным оружием и фактом. Народ в години бедствий, считая чародеев причиной несчастья, расправлялся с ними жестоко: в XIII ст. во Владимирских пределах во время голода их пытали водою, потом жгли; в XV веке в Пскове во время моровой язвы тоже сожгли вещей жёнок. Подобные самосуды проходят через все века и не так давно совершались в минувшем столетии.

С своей стороны правительство принимало против чародеев запретительные и карательные меры, стараясь пресечь и искоренить это зло, именно как опасное явление. По словам Котошихина, при царе Алексее за волшебство и чернокнижество мужчин жгли живых, а женщинам отсекали голову.⁴ Но справедливость требует оговориться, что древняя Русь не знала тех ужасных преследований, которым подвергались ведьмы и чернокнижники в Западной Европе. До таких грандиозных размеров процессы о ведовстве никогда здесь не достигали, хотя и имели место. Очевидно, указанная Котошихиным мера была наивысшею карою, которая применялась в исключительных случаях. Приведённая ранее грамота 1655 г. за ведовство и чародейство полагает наказание более лёгкое — битьё батогами и ссылку в украинные города.

с. 17

¹ Полное собрание русских летописей. — СПб., 1848. — Т. 4: Новгородская четвёртая летопись, часть 1. — С. 318.

² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1836. — Т. 3: 1613—1645 гг. — № 283.

³ Грыжи. — *Ред.*

⁴ Котошихин, Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. К. Котошихин. — 2 изд. — СПб., 1906. — С. 95—96.

Кроме профессионального чародейства, владевшего особыми чарами, в народных массах существовали свои чародейные приёмы и средства, доступные каждому. Сходились по ночам, — свидетельствует грамота, — чтобы встретить солнечный восход первого дня новолуния, купались для здоровья во время грома, умывались с серебра и тому подобное. Сюда же нужно отнести пользование разными ладанками, талисманами, кореньями, заговорными письмами, обращавшимися среди народа, и прочее.

Правительство боролось и с этим. Оно запрещало ведовство и кудесничество, независимо от того, было ли оно профессиональное или нет. Дело было не в лицах, а в самом факте. Достаточно было воеводе или губному старосте того времени проведать, что у такого-то есть заговорные коренья или письма, как возникал уголовный процесс, который вёлся по всем правилам московской волокиты и грозил подсудимому большими неприятностями, как в недавнее время политическое дело.

В качестве иллюстрации этого может служить случай с выемкою любовного и пищального заговоров в Переславле-Залесском. Это было лет за пять до издания приведённого указа, а именно в 1650 г.

Началось оно совершенно случайно. Переславский посадский человек Бажен Толстиков заявил Переславскому воеводе Тимофею Афанасьевичу Еремееву (1649—1650)¹ на отпускного своего человека на Ганку Григорьева, что тот похитил у него ларец с деньгами и женским жемчужным ожерельем. Когда в съезжей избе стали обыскивать его, то кроме ожерелья, запрятанного в голенище, нашли в рубахе за подоплёкой два воровских письма: «одно письмо написано на полустолбце вдоль через весь столбец, а другое написано на полустолбце на целом», оба связаны шёлком красным. Первое было на крепкой бумаге, хорошо сохранившееся, второе на ветхой, отчего иные слова выпали.

То и другое письма оказались заговорными: первое — приворотным, второе — пищальным.

В них было написано:

1

Господи, Боже! благослови раба своего, имярек, посмотрели в зеркало свое лице лепо и красно; как раба божия зрит в сие зеркало и видит свое лице красно, покажи и ей, господи, мое лице красно и лепо, лепотою красящися. Како сему зеркалу от нея девицы и рабы божия не отити из него моим и ее власом не выпасть и не расплестися розно, так и ей, рабе божии не отити, и как ее власы в сем зеркале сплелися, так и мне с рабой божией вместе, и как ей главы власы любви и милы, так я ей рабе божий мил и любовен всем сердцем и душою, всегда и ныне. (И Господи «Эж» в три духа и зрит на страну в зеркало бодро не мигнуть на страну. Да у подлинново же письма к останешней строке кружек.)

2

Милоствами всех святых, Господи благослови, отче Владыко многомилостиве, Господи Иисусе Христе, Боже наш, сын Единородный Невидимого Бога Сын, равен Отцу и Духу Святому, иже вышних. Живущему Троицы славимому Богу пришедшему с небеси на землю спасения ради человека, воплощися от Чистыя Неснобрачныя Матере Святыя Богородицы Приснодевы Марии по живым в мире сем вся творя наш зумертвыя в человеце больныя, и щеливыя, и недужныя врачевыя, грешным отпущения, сию власть даровал своим честным небесным силам. Апостолам же и сущим по них всем святым. Благово подавши раб божи восрому (?) уповаю на милость Божию твою всем Святым честным небесным силам вегда предстоите Святии Ангели, Архангели, Херувими и Серафими Престоли, Господствия, начало власть и вся Силы Небесныя моления молящаго сый не призрите моления сий же просящаго у вас вашего заступления молити за мя грешного и недостойного раба своего Сергея от пушки и от пищаля, от лука и от стрелы летящия, и от всея

¹Русская историческая библиотека / Археографическая комиссия. — СПб., 1886. — Т. 10. — С. 404.

Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. — СПб., 1894. — Т. 2: Разрядный приказ. Московский стол (1575-1659). — № 439.

сабли, и от всякого удара чистого и нечистого рускова и литовского, турецкого и курмыцкого, и немецкова, и бухарского и черкаского, аравского, и кизылбашского, и от арменского, и от всякого железа, булата красного, и меди, и стали, железа, и укладу, и от всякого древа, и от всякия рыбы, и от птицы. Ты, железо булат и сталь и медь, и свинец в свою мать землю и ты, древо, в свою мать древо во всякое, и ты, клей, в свою мать в рыбу, и ты, перо, в свою мать птицу от меня раба Божия Сергея, ако достойна покажет болести (?) и милости Святыя Троица и матери Бога моего и всех святых, да Бог милостив был в час исхода моего, и грехов моих прощение да обрящу предъ.¹

с. 18

Всё внимание воеводы оказалось, после обыска, на выяснении дела с запретными письмами, а похищение ларца как бы забыто. Он производит допрос о них и спешит результаты сыска поскорее сообщить в Москву.

На допросе выяснилось, что источником, откуда получено письмо, был Переславский Никитский монастырь. Ганка показал, что в великом poste 1650 г. он работал в г. Переславле-Залесском у Якушки плотника, а в те поры заходил к нему зять его, Никитского монастыря детёныш, Давыдка. В разговоре Давыдка упомянул, что у брата его Ивашки есть «письмо — пишальный заговор». Ганка заинтересовался этим и выпросил посмотреть это письмо. Ходил с этою целью к Давыдке в гости, пил у него вино и брагу. Сюда пришёл Ивашка и за общею беседой отдал ему письмо.

На основании этого показания воевода вытребовал от Никитского игумена Моисея оговорённых детёнышей. Спрошенный по этому делу Ивашка сказал. Живёт он в келье в Никитском монастыре у старца Герасима Андреевича Миславского.² Письмо, найденное у Ганки, дал ему Никитского же монастыря церковный дьячок Сенка на масляной неделе 1650 года, чтобы заклеить оконницу. И то письмо валялось у брата его Давыдки «просто», потому что никто из них грамоте не умеет. На вербной неделе пришёл к Давыдке Ганка. Найдя его здесь, «то письмо Ганка взял, подержав у себя в руках, и снёс с собою». Все они неграмотные и этому обстоятельству значения не придали. Дьячок Сенка, давший это письмо, ушёл из монастыря неизвестно куда.

На очной ставке они несколько изменили свои объяснения и сознались, что письмо один выпросил, а другой дал, зная, что это за письмо. Было это на страстной неделе после попойки у Якушки плотника. Предъявленные письма те самые, которые Ивашка дал Ганке.

Окончания этого дела мы не знаем. Всё делопроизводство воевода направил в Москву и как поступлено было с виновными, сведений не имеется. Но, несмотря на это, не трудно сказать, что с ними было. В приведённом царском указе сказано, что меньшею мерою наказания были батоги и высшей — ссылка в украинные города.

И это было не только в теории. На практике испытал на себе другой переславец — служка Фёдоровского монастыря Богдан Леонтьевич Фомин. Он угодил в украинный город Козлов на вечное житьё «за воровство, что держал у себя коренья и всякие воровские письма».

Начало этого дела не сохранилось, но оно настолько однородно с первым, что может служить как бы его продолжением. По времени оно совпадает также с тем: было через год после него, в 1651 г.

За пользование волшебными кореньями и заговорами Фомин первоначально был посажен за решётку в тюрьму. И отсюда выпущен по челобитью его вследствие ручательства переславцев, что он уедет с женою и детьми на вечную ссылку в Козлов и оттуда не сбежит.

Приехав на поселение налегке, Фомин шлёт царю челобитную, чтобы ему дозволено было взять у Фёдоровского игумена Вавилы своё имущество, которым тот неправильно завладел.

Он писал:

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руссии бьет челом холоп твой Богдашко Леонтьев сын Фомин. В нынешнем, государь, в 160-м

¹Московский Архив Министерства Юстиции. Приказный стол. Столбец № 272. — Л. 552—553.

²В книге «Два упразднённых монастыря» ошибочно назван Миславский. В мире именовался Гаврилом; у него был сын Михаил, умерший раньше отца. (Шереметьев, С. Два упразднённых монастыря над Переславским озером / С. Шереметьев. — М., 1901. — С. 52.)

году по твоему государеву указу велено мне, холопу твоему, быть по Козлову и служить твоя государева служба, а как, государь, я был в Переславле-Залесском в Фёдоровском монастыре в службах и у меня, государь, в том Фёдоровском монастыре осталось поставлены в каменной церкви Фёдора Стратилата отца моего благословения Божие милосердие образы в окладе, да на конюшенном на монастырском дворе в чюланишке моем в коробках книги и плате и что было денег в коробке и всякой посуды медной сковородки и всякой мелкой рухляди, да две кабалы денежные, да запись во сте рублях, на слугу Ивана Семенова в убийстве и писма, грамоты, и всякие челобитные и росписи всякие на ком мне что по тем росписям взять денег, и те, государь, мои животишки взял игумен Вавило в монастырь. А что, государь, животишек моих взял, и тем, государь, животишкам моим, у меня есть всему роспись. Да у меня же, государь, остался дворышко мой, купленной под монастырем в слоботке, и на тот, государь, мой купленной дворышка есть у меня купчая. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руссии пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне животишка мои все против моей росписи по своему государеву указу тому игумену Вавиле отдать, чтоб мне холопу твоему было чем твоя государева служба служить, и чтоб те мой животишка даром не пропали, а мне бедному в конец не погибнуть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

с. 19

Роспись мне службе Богдашке Леонтьеву сыну Фомину, что осталось в Переславле-Залесском в Фёдоровском монастыре отца моего благословенье Божия милосердия образов в каменной церкви Фёдора Стратилата поставленые: образ Воскресенье Христово, старое писмо на золоте; образ другое Воскресение Христово в окладке, обложен серебром и позолочен стоит в киоте; образ Спасов на золоте, образы створцы путные, писана живоначалная Троица и святители и мученики; образ Фёдор Стратилат; образ Николы Святителя; образ Иван Предтеча на золоте; образ Никиты Чюдотворца; образ Фрол и Лавр с мученики; образ Пречистые Богородицы воплощение. Да на монастырском конюшенном дворе в чюланишке моем осталось живота моего в коробках платишка, и книг, и денег и посуды медной, сковородки, и всякой деревяной посуды, и всякой мелкой рухляди. Книги: псалтырь печатная в полдесть; 2 ирмоля певчи знаменитых, один в часовник, другой в полчетверти; 2 святцы новые, писаны уставом, дорогим писмом мастерским с лунником, лето и весна в лицах, писаны в тетратех не переплетены; мартовник печатной святцами в часовник, печать киевская. Канонник писмяной з житиями в тетратех связанные две книги в часовник в тетратех, о взятии Царя-Града, одна писана уставом, другая писана скорописю; молитовник в четверть, писан уставом мелким; канон Троицеи с канонами, писан уставом в полдесть; мартовник в полдесть, писан уставом, да книжка, писана скорописю бытия в четверть; синодик родительской; часовник в малую четверть, печать киевская; о сну церковном, тетрати писаны, в полдести учительная; часовник старой писмяной и летопись тетради; судебник писмяной в полдесть. Да платья было в коробках: однорядна на зайцах: нагрудник красной тафтяной новой с козырем учасковым; 2 нагрудника кундяшных, один новой, — другой поношен, оба красные; шап красная новая суконная с петлями, с пухом; ожереле жемчужное по черной бахrome в лукошечке в кореновом. Да в коробке было денег в чересу 20 рублей да две копейки позолоченных; полукафтана кумач красное; да 2 кафтана шубных под крашениною; рукавицы тёплые, красные суконные; другие рукавицы голицы с варегами белыми 4 подушки пуховые; сукна было вишневого с полвершка, шапочного доброво; 2 скатерти браные; 16 мерлушек белых; шапка темная вишневая, поношена; 5 полотенец белых; 2 полотенецка красных, золотом шитых; 6 рушников белых; рубашка новая, шита золотом; 2 рубашки белых; 3 порки белы; пояс красной шелковой, сукна красного с вершок было, да сукна зеленого было с поларшина к кафтану на починку, и всякого сукна мелких лоскутов было на починку из дву киндяков было красного да зеленого полтора аршина, куплено было к кафтаном на починку остаток полотна белово; дерюгов поларшина зеленых было; подвяски тесмяные красные; тесма шелковая зеленая от карабина; другая тесма красная гарусная с кручками железными; пояс красной ременный от ладунки; 2 черепа олений; шапка овчинная проезжая. Да ружья: пистоль новая солстром с новым; сабля литовская полуса; двои луки саадашные обои стрелами, 2 тетивы; 2 погребца кованых шестерики; один с сукляницами, другой без кляниц. 2 сковородки белые; 2 яндовки белые; сковородка черная; 5 братинок красных троетцких, шестая братинка яблонновая; ковшик корелчатый большой, 10 ложек красных корелчатых; 9 тарелок;

2 блюда красных; ставок лукошко берестеное, да в коробке был брус мыла болшей; полть серая новая; попона вослоская красная новая; медведно новое избура; хомут красной ременной новой с передком и з дугою красною; паперсть конская да похви кованные, ухват, что у узды под шею живет; попона конская; 2 подпруги ременных; сапоги сафянные, другие телятинные; полстишко белое ветчано, поношено; 3 мешка полтяных, 2 малых; онучи суконные серые, 2 чюлки серые; ситечко малое; подседельники красные с кровлею; войлок овечей; фонарь слюдяной; 2 подсвешника железных; кадилница медная; шандан железной; пилка железная; клещи железные; топор; косарь; таган железной; греблица железная конская; железа ручные 2 бурава железных; трубка железная; 2 замка спинных; пять коробок, 2 болших, 3 малых; ящик белой, а в тех коробках и в ящике 2 кабалы денежные, писма, грамоты и челобитные и росписи всякие на ком, что мне по тем своим росписям взять денег на монастырских крестьянх села Ильинского, и подмонастырской слободки, села Ивановского, и деревни Половецкой. Да в том же чюланишке моем была в коробке запись тово ж монастыря на слугу Ивана Семенова в убоистве з зарядом во сте рублех; да лукошко было в чюлане с кровлею; ведерка с кровлею белая; 2 бочечки; 2 галенка; 2 пробои железных ввертных; ремня нового было куплено на узду на гривну; клею рыба было, что луки клеят три кома болших.¹

Здесь представляет большой интерес роспись имущества. Из просмотра её видно, что монастырский стряпчий имел небольшую библиотеку, в которой были книги и тетради церковные, исторического и юридического содержания. Это уже одно ставило его выше многих рядовых обитателей переславских. Он был в полном смысле человек книжный, хотя, как оказалось, такой же суевер, как и некнижные его современники. Перечень одежды, утвари, оружия и прочего показывает, что он был среднего достатка.

с. 20

Но просимое разрешение на возврат имущества ему удалось выхлопотать не сразу. Он подавал ещё несколько челобитных, и свои хлопоты потом подкреплял тем, что в Козлове ему было «велено государева служба служить в детех боярских», а без имущества нести новую обязанность он не может. Нужен был конь, а купить не на что и служить было не на чем.

Ходатайство его увенчалось успехом, ему отпустили казённую лошадь и пожаловали четыре рубля денег, а кроме того, разрешили отпуск в Переславль-Залесский для ликвидации имущественных дел.

Приехав сюда, он продал свой дом в Фёдоровской слободке, взял из монастыря имущество и распорядился им по своему усмотрению: одну часть уложил для отправки с собою, другую также продал.

Отпуск ему был дан на этот раз под поручительством разных лиц с тем, чтобы новый сын боярский возвратился в Козлов к 1 января 1652 г. Там для него приказано было отвести «под двор и под огород место, и на пашню земли и сенных покосов против таких иных людей и ту дачу велено было написать в строельные книги».

Но он сильно запоздал, а может быть, и совсем не попал из Переславля-Залесского в отдалённый Козлов, несмотря на все уготованные для него блага; по крайней мере, на его деле приказный дьяк сделал в конце помету: «а с Москвы того Богдашка не отпускали».²

Заканчивая на этом заметку о нравах XVII ст., нельзя не отметить одной черты. Оба дела о чародействе ведут свои нити из монастырей. Виновниками были монастырские служащие, люди, так или иначе прикосновенные к монастырю. Была ли это случайность, или тут налицо были особо благоприятные условия, из дел не видно. Одно можно сказать, что тогдашний аскетизм был чреват многими ненормальностями. Монахи, как люди своего времени, разделяли господствовавшие тогда представления, а как грамотеи могли быть переписчиками «воровских» писем, тем более что в них упоминалось имя божие и по форме своей они напоминали род молитвы.

Факт известный, что духовенство слепо верило волшебству, пользовалось услугами волхвов и баб богомерзких, а некоторые из священников и монахов даже перенимали

¹Московский Архив Министерства Юстиции. Приказный стол. Столбец № 210. — Л. 59—61.

²Московский Архив Министерства Юстиции. Приказный стол. Столбец № 210.

их волшебные хитрости. Древне-русский священник каялся: «согрешил волхвовани-ем, и в чаровани, и паузы всякие вяжа, и к волхвам ходих, и ко обавником, и к бабам ворожбы дея, и порчи дея, и болезни дея, и прожитки дея, где бы сыту быти».¹

М. И. Смирнов

¹*Смирнов, С. И.* Бабы богомерзкие / С. И. Смирнов // Сборник статей в честь В. О. Ключевского. — М., 1909. — С. 233.

Предметный указатель

- Александров монастырь 14–18
 Александрова слобода 3, 4
 Антоново-Ильино деревня 10
 Архангелогородский тракт 12
 Архангельск город 3, 4, 12
 Афинеево село 14
- Балтийское море 12
 Бартенево пустошь 14
 Бачищево деревня 10
 Бгонский ям 9
 Бектышево село 17
 Белое море 3, 12
 Бизяково деревня 10
 Борисоглебский монастырь 15
 Борисоглебское кладбище 18
 Бренцово деревня 10
 Бутаково село 6, 10
- Вага река 12
 Вандухова пустошь 17
 Вашка село 10
 Веськово село 10
 Владимир город 3
 Владимирская дорога 3
 Водохлыст река 17
 Волга река 3, 12
 Вологда город 3, 5, 8
 Вондюга река 9
 Воробейка река 17
 Воронинское село 9
 Выжегда река 5
 Высоково Малое деревня 17
 Высокое пустошь 17
- Глебовское село 4, 5
 Горицкий монастырь 14, 17, 19
 Городище село 3, 11, 13, 15
 Гульнево пустошь 17
- Данилов монастырь 7, 8, 10
 Долгое Поле деревня 17
 Дубна ям 9
 Дуплехово пустошь 17
 Духов монастырь 16
- Елизарка деревня 5
- Калязинская дорога 3
 Карповка река 9
 Карповское деревня 9
 Киржацкий монастырь 3, 9
 Клеменчеево сельцо 9
 Климово пустошь 14
 Козлов город 23, 25
 Конюцкое село 6
 Кострома город 3
 Красное село 6
 Криушкино деревня 13
 Кубря река 9
 Купань село 3
- Лизоново деревня 10
 Луковино деревня 11
 Ляпуновка пустошь 17
- Малышево деревня 10
 монастырь
 Александров 14–18
 Борисоглебский 15
 Горицкий 14, 17, 19
 Данилов 7, 8, 10
 Духов 16
 Киржацкий 3, 9
 Никитский 6–8, 14–16, 18, 23
 Симонов 6, 7
 Стромьинский 3
 Троице-Сергиев 3, 4, 8–10
 Фёдоровский 7, 10, 12, 23
 Чудов 8, 9
- Москва город 3, 4, 8, 12
 мосты 6
 Муднево пустое деревня 10
- Нерль Клязьменская река 6, 10
 Никитский монастырь 6–8, 14–16, 18, 23
 Новгород город 4, 15
 Новое — Старый ям деревня 9
- Осипова пустынь село 9
 Отхожее Поле деревня 17
 Офремово деревня 10

Павловское село	14, 16	Тверь город	3
Пердобаска ям	9	Тетерево пустошь	17
Переславская дорога	4	Тирибово деревня	4, 9
Переславский ям	10	Троице-Сергиев монастырь	3, 4, 8–10
Перцево село	3	Трубеж река	6
Петрецово деревня	11	Углицкая дорога	3, 5
Печкура река	9	Усолье село	11
Подберезье деревня	10	Фёдоровский монастырь	7, 10, 12, 23
Подвязево пустошь	17	Фёдоровское село	10
Подвязье деревня	17	Фалисово Большое деревня	10
Подсосенье пустошь	17	Фалисово Малое деревня	10
Покров город	3	Фоминский починок	9
Полатов город	11	Хорошево деревня	10
Половецкое село	3	церковь	
Поповка лужок	17	Богородицы Одигитрии	11
Псков город	21	Варварская	16
Пустозёрск город	11	Дмитрия Солунского	5
Раева пустошь	17	Николая Чудотворца	5, 17
Разрядный приказ	5	Чашницы деревня	3
Рогозинино ям	9, 10	Чириково пустошь	16
Рокша река	14, 17	Чудов монастырь	8, 9
Романовское село	14	Чуркино деревня	17
Ростов город	12	Чуркино пустошь	17
Ростовский ям	11	Швеция	3
Рюминское село	4	Шуромская дорога	10
Самарово село	4	Юрьев-Польский город	3
Санкт-Петербург город	12	Юрьевская дорога	3
Северная дорога	4	Ям ям	9
Семёново деревня	17	Ям-Пердбаска деревня	4
Семёново пустошь	17	Ямской приказ	5
Симонов монастырь	6, 7	Яншина Гора деревня	10
Слободская дорога	3–5	Ярославль город	3, 11, 12
Смутное время	11		
Сосняг деревня	10		
Стогово ям	4, 9		
Стоянкова пустошь	17		
Стромынская дорога	3		
Стромынский монастырь	3		
Сычёво деревня	10		

Именной указатель

Александр Невский великий князь ...	15	Кроткий В. А.	5
Алексей Михайлович царь	19	Кувшинов М.	16
Антропов С.	6	Куличкин С.	10
Борис Годунов царь	21	Лыков А.	5
Борисов В.	9	Миславский Г. А.	23
Вавила игумен	23	Михаил Фёдорович царь	8, 21
Василий II Тёмный великий князь	3	Моисей игумен	23
Василий III великий князь	9, 21	Морозова А.	7
Володимеров Г.	16	Москва город	23
Вышеславцев В. С.	10	Олеарий	8
Герберштейн С.	3	Пётр I царь	12
Головин А. И.	9	Посников Б.	11
Григорьев Г.	22, 23	Савельев-Ростиславич Н. В.	13
Григорьев Д.	23	Самсоновы А., М.	17
Джонсон	8	Спикины А., Л., С., Я.	11
Дивов И. Л.	5, 6	Стародубцов А.	10
Дмитрий Донской великий князь	14	Толстиков Б.	22
Дмитрий Шемяка князь	3	Уваров А. С.	13
Елизавета королева	8	Унковская Е.	9
Еремеев Т. А.	22	Фёдор Алексеевич царь	5
Ермоген архимандрит	19	Фёдор Иоаннович царь	7
Загрязский А.	16	Феодосий игумен	6
Зарнин Н.	11	Филарет патриарх	16, 18
Иван II Красный великий князь ..	14, 15	Филофей архимандрит	10
Иван III великий князь	4	Фомин Б. Л.	23, 25
Иван IV Грозный царь	4, 7–9, 21	Чуфаров М.	10
Ильинский А.	6	Щулепов В.	9
Иона епископ	3	Юрьев Г.	5, 6
Капитолина игуменья	12		
Корнелий де Бруин	9, 10		

Оглавление

Переславская ямская дорога. <i>М. И. Смирнов</i>	3
Александрова гора. <i>М. И. Смирнов</i>	13
«Воровские» письма. <i>М. И. Смирнов</i>	19
Предметный указатель	27
Именной указатель	29